

МОТИВЫ И СЮЖЕТЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Е.А. АЛЕКСАНДРОВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1-1(Блок А.)

ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)6-8,445

МОТИВ СНА В РАННЕЙ ПОЭЗИИ А. БЛОКА

Аннотация. Мотив сна в творчестве Александра Блока играет важную роль и напрямую соотносится с философией символизма. Статья посвящена рассмотрению мотива сна в ранней поэзии А. Блока – в контексте сборника «Ante Lucem» и цикла «Стихи о Прекрасной даме». В первых стихотворениях Блока проявляется влияние эстетики романтизма, заимствуется принцип двоимирия, противостояние земного и небесного. Сон мыслится способом уйти от мирской суеты в иное бытие, «мир покоя и гармонии», главным символом которого является небесная София. Важными для трактовки сна у Блока становятся пространственные аксиологические характеристики ночи – сумерки, тени, туманность, которые выступают предвестниками таинственных, непостижимых человеку явлений. Именно тогда, когда мир окутан сумерками, лирический герой способен встретить Софию. С другой стороны, мотив сна в творчестве Блока соотносится с кальдероновской трактовкой сна – «жизнь есть сон»; когда человек не способен управлять своей жизнью, она становится похожа на сон. Со временем в трактовку мотива сна привносится все больше негативного, сон начинает восприниматься как обман.

Ключевые слова: сны, символизм, романтизм, русская поэзия, литературные мотивы.

Состояние сна все времена оказывалось в поле пристального внимания людей. Но восприятие феномена сна в различных культурах неодинаково. К примеру, если иудейская и античная культуры «с охотой вводили сновидения в семиотический текст и позволяли им влиять на события» [Панкратова 2015: 36], то христианская религия

демонстрирует настороженное, а порой отрицательное отношение к сновидению. Для христианского мировоззрения сон сродни опасному состоянию, в котором «сновидец особенно уязвим для чуждых и заведомо недобрых влияний». Классический буддизм, выдвигающий в качестве основного положения утверждение, что жизнь иллюзорна, трактует сон как метафору жизни.

Философы и художники слова очень часто обращаются к феномену сна, пытаясь по-своему интерпретировать это состояние. Литературные тексты, связанные с мотивом сна, онирические тексты, находятся в рамках той или иной традиции и определяются ею. В большинстве случаев сон воспринимается как некое послание, «сообщение от таинственного Другого» [Лотман 2000: 124]. Кроме того, сон мыслится как модель изображения других реальностей и состояний, когда действуют иные, отличные от привычных, законы. Так, например, мотив сна служит для изображения «потустороннего мира, карнавала, языка и стиля (в литературе постмодернизма), миров утопии и антиутопии, состояний «как бы во сне», игровой модели» [Панкратова 2015: 38].

Стихия сна как состояния противоположного реальности не могла не привлечь внимания поэтов-символистов, в особенности А. Блока. Вслед за романтиками символисты стремились к неизвестности, к познанию глубинных струн человеческой души. Сама поэзия символизма сравнима с «художественными снами», о которых чёрт рассказывал Ивану Карамазову в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «...Иногда видит человек такие художественные сны, такую сложную и реальную действительность, такие события или даже целый мир событий, связанный такую интригой с такими неожиданными подробностями, начиная с высших ваших проявлений до последней пуговицы на манишке» [Крышук 2012 : 19]. По сути, можно говорить, что символисты описывали внешний мир не по законам реальности, а по законам сна, тем самым дематериализуя действительность.

В своей работе мы ставим перед собой цель – выявить своеобразие раскрытия мотива сна в ранней поэзии А. Блока – в его сборнике «Ante Lucem» и «Стихах о Прекрасной даме».

Уже в одном из первых стихотворений «Я стремлюсь к роскошной воле» (1898) из сборника «Ante Lucem» А. Блок обращается к мотиву сна:

Мчусь к прекрасной стороне,
Где в широком чистом поле
Хорошо, как в чудном сне

[Блок 1997 : 16].

В этом произведении картина сна обретает черты идеального мира, противоположного земной жизни. «Прекрасная сторона», где «хорошо, как в чудном сне», похожа на утопическое место, которое становится родным, истинным для лирического героя и во многом соотносится с поэтическим вдохновением. Герой стремится к слиянию с природно-естественным миром, связанным с тихой гармонией. В этих строках Блока заметна связь с романтической традицией Жуковского [Ходанен 1997]. Мотив сна, рассматриваемый как уход от суетной жизни к покою, тишине, характерный для лирики Жуковского, часто обнаруживается и в ранних произведениях Блока:

Пора забыться полным счастья сном,
Довольно нас терзало сладострастье...
Покой везде. Ты слышишь: за окном
Нам соловей пророчит счастье?

(1898)

[Блок 1997 : 15].

Блок рассматривает две формы человеческого существования – жизнь как сферу суеты и сон как область иного мира, «*небытийного*», обладающего покоем и гармонией, далекого от серой повседневности; подобное видение определяет содержание стихотворения «Зачем, зачем во мрак небытия» (1899) [Блок 1997 : 23].

Идея о существовании двух разных миров (земного и небесного) – двоимирие – является одной из главных в эстетике романтизма, объединяющей многих поэтов XIX века. Этот факт ещё одно свидетельство влияния традиций романтиков на поэзию символистов.

Для раннего Блока сон – это и область, куда человек стремится уйти от «мирской власти» для обретения духовной гармонии. Мир покоя и гармонии у поэта ассоциируется с «*чистейшим храмом*» [Блок 1997 : 23], где человек снова способен вновь ощутить силу духа, познать тайны бытия и обрести свет, идя по своему пути, окутанному мраком:

Не ты ли душу оживишь?
Не ты ли ей откроешь тайны?
Не ты ли песни окрылишь,
Что так безумны, так случайны?..

О, верь! Я жизнь тебе отдам,
Когда несчастному поэту

Откроешь двери в новый храм,
Укажешь путь из мрака к свету!..

Не ты ли в дальнюю страну,
В страну неведомую ныне,
Введешь меня – я вдаль взгляну
И вскрикну: «Бог! Конец пустыне!»

22 сентября 1899

[Блок 1997 : 25].

Жизнь, в отличие от сновидения, полна волнений и переживаний. Она заставляет человека, с одной стороны, испытывать мучения и страдания, с другой – дарует безграничное счастье, пробуждает его чувства. Блок, раскрывая параллель жизнь–сон, показывает, что, как бы ни соблазнительно было состояние сна, уводящее от суеты, именно жизненные испытания дают почувствовать, что ты существуешь, что ты живой человек, способный на чувства:

За краткий сон, что нынче снится,
А завтра – нет,
Готов и смерти покориться
Младой поэт.
Я не таков: пусть буду снами
Заворожён, –
В мятежный час взмахну крылами
И сброшу сон.
Опять – тревога, опять – стремленье,
Опять готов
Всей битвы жизни я слушать пенье
До новых снов!

25 декабря 1899

[Блок 1997 : 27].

Мотив сна в ранней поэзии Блока часто ассоциируется с видением, которое связано с появлением мистически одухотворенной для поэта Софии, Прекрасной Дамы. Это, прежде всего, образ небесный, противопоставленный земной жизни:

Торжественно звучит на небе звездный хор.
Меня клянут людские поколения.
Я для Тебя в горах зажег костер,
Но Ты – виденье.
Ищу спасенья.

25 ноября 1900

[Блок 1997 : 41].

В совершенно ином контексте мотив сна раскрывается в другом стихотворении:

Я стар душой. Какой-то жребий черный –
Мой долгий путь.

Тяжелый сон, проклятый и упорный,

Мне душит грудь.

<...>Тяжелый сон – проклятый и упорный –

Мне душит грудь.

6 июня 1899

[Блок 1997 : 22].

Здесь пространство, в котором пребывает человек, лишено гармоничной светлой окраски, наоборот, оно наполнено декадентскими настроениями, что поддерживается такими образами, как «стар душой», «жребий черный», «тяжелый сон <...> душит грудь», «тяжел недуг» и т.д. Жизненная реальность для лирического героя оказывается невыносима, происходящее мучает его. Жизнь становится похожа на сон, которым герой не может управлять. В данном случае Блок обращается к барочной формуле «жизнь есть сон»: «Мне странен холод здешних стен / И непонятна жизни бедность. / Меня пугает сонный плен / И братий мертвенная бледность» [Блок 1997 : 108].

Пребывая на границе между двумя мирами, лирический герой Блока нередко находится в состоянии *полусна* и потому не ощущает движения времени – оно застыло для него (оно в «цепененье»). В таком состоянии сон странно смешан с явью:

Глухая полночь. Цепененье

На душу сонную легло.

Напрасно жажду вдохновенья –

Не бьется мертвое крыло.

20 августа 1899

[Блок 1997 : 96].

Большое значение в ранней лирике А. Блока имеет образ ночи. Изображая пространство ночи, Блок использует различные световые образы – «месяц», «луна», «звезды», «мерцающие фонари», «отблески огня», воссоздавая своеобразный ночной свет. Однако, несмотря на световую семантику, ночь всегда у поэта соотнесена с такими образами, как «мрак», «тени», «сумерки», «мгла». Это соотносится и с душевным состоянием, передается чувство тревоги, тоски. В ночное время герой поэта остается наедине с самим собой, со своими

мыслями. Поэт дает нам почувствовать, что в ночи сокрыто нечто таинственное, недостижимое и непостижимое человеком.

Утро (еще одна наиболее частотная лексема в поэзии Блока – «Притаилось пробужденье / Дней тоскливых для меня» [Блок 1997 : 24]; «Улетай в бесконечную высь, / За крылатым виденьем гонись, / Утро знает стремленье твое, / Вдохновенное сердце мое!» [Блок 1997 : 24] и т.д.) в поэтике Блока ассоциируется с воскрешением, с возможностью обретения жизненной силы:

То сон прудутренний сошел,
И дух, на грани пробужденья,
Воспрянул, вскрикнул и обрел
Давно мелькнувшее виденье

[Блок 1997 : 34].

Если в пространстве ночи лирический герой ощущает хаос и разлад, то утром он снова обретает гармонию с миром – «воспрянул, вскрикнул и обрел». Также утро сознанием лирического героя Блока сравнивается с таким состоянием, когда на человека нисходит «откровение», и он разгадывает тайны, окутанные раннее мраком.

Тема выхода за рамки обыденности, за пределы сковывающей нормы, свойственная многим романтикам, появляется и в стихотворениях Блока, например, в произведении «И тихими я шел шагами. Провидя вечность в глубине». Важен тот момент, что данное стихотворение посвящено не только миру снов, открывающих дверь в «вечность», поэт обращает внимание и на слиянность сновидческой реальности с земной действительностью. Подобным образом Блок стремится соединить два разнородных мира – сна и яви. Так, к примеру, в стихотворении образы сумерек и снов взаимосвязаны, что проявляется даже на уровне синтаксиса и лексических средств – «*сумерки сходили*» – «*вечности вставали сны*».

Важными пространственными и аксиологическими характеристиками мира для Блока становятся сумерки, тени, туманность, в которых сокрыто нечто таинственное, невидимое для обычного человека. В этом плане лирический герой Блока близок традиционному герою–романтику. В отличие от обычного человека его не покидают «мысли нездешние», «нездешние видения» («Снова ближе вечерние тени, / Ясный день догорает вдали. / Снова сонмы нездешних видений / Всколыхнулись – плывут – подошли» [Блок 1997 : 77]; «В сердце – надежды нездешние, / Волны бегут на песок» [Блок 1997 : 72]). Такой герой, благодаря своей чуткой поэтической

душе, способен улавливать связь и пребывать на границе двух миров – земного и небесного.

Обнаруживая взаимодействие лирического героя с земным и небесным мирами (с помощью сна), Блок размышляет о миссии поэта, его ответственности перед обществом. Так, в стихотворении 1900 года «В фантазии рождаются порой...» Блок видит предназначение поэта в том, чтобы, создавая «немые сны», довести их до сознания других людей:

В фантазии рождаются порою

Немые сны.

Они горят меж солнцем и Тобюю

В лучах весны [Блок 1997 : 21];

К ногам презренного кумира

Слагать *божественные сны*

И прославлять обитель мира

В чаду убийства и войны

[Блок 1997 : 20].

В начале 1902 года образ поэта у Блока обретает сверхчеловеческие возможности: «Я укрыт до времени в приделе, / Но растут великие крыла. / Час придет – исчезнет мысль о теле, станет высь прозрачна и светла» [Блок 1997 : 91].

Таким образом, сон, в первую очередь, рассматривается поэтом как способ выхода в «иные миры»:

Чуть слежу, склонив колени,

Взором кроток, сердцем тих,

Уплывающие тени

Суевливых дел мирских

Средь видений, сновидений,

Голосов миров иных.

3 июля 1901

[Блок 1997 : 66].

Главным олицетворением иного, небесного мира является образ Прекрасной Дамы (Софии). Лирический герой, находясь на границе между сном и явью, ощущает ее незримое, эфирное присутствие, но до тех пор, пока всё «сомкнуто тенью» (« И близится рассвет. И убегают тени. / И, Ясная, Ты с солнцем потекла» [Блок 1997 : 64]).

Одной из главных идей в поэзии Блока является идея «бесконечного круга», кружения, напрямую связанная с временным пространством поэтического текста, – это «скитанье без конца», осознание причастности к этому вечно цикличному движению жизни,

путь человека к вечности: «Ты – одиноко, – в отдалении, / Сомкнешь последние круги...» [Блок 1997 : 54]; «Я пытался разбить заколдованный круг, / Перейти за черту оглушающей тьмы» [Блок 1997 : 36] и т.д.

В некоторых стихотворениях можно проследить мотив сна как лениности («передраассветной лени»):

В бездействии младом, в передраассветной лени

Душа парила ввысь, и там Звезду нашла.

<...> Вступила Ты, и, Тихая, всплыла.

И шаткою мечтой в передраассветной лени

На звездные пути Себя перенесла.

И протекала ночь туманом сновидений

[Блок 1997 : 64].

Описанное состояние схоже с состоянием полусна, когда время не имеет значения, а сам мир находится «в бездействии младом». Сон обретает очертания видения, которое наблюдает и частью которого оказывается лирический герой поэта. Сон-видение становится связующим звеном между душой героя и иным миром.

В рассматриваемом стихотворении мотив сна неразрывно связан с миром мечты. Мечты, как и сны, являясь сферой взнезменной, эфирной, становятся душевным стимулом, а утрата их ведет к угасанию жизненных сил в человеке: «О, как паду – и горестно, и низко, / Не одолев смертельные мечты!» [Блок 1997 : 60]; «Лежат холодные туманы, / Бледнея, крадется луна. / Душа задумчивой Светланы / Мечтой чудесной смущена...» [Блок 1997 : 88]; «Усталый от дневных блужданий / Уйду порой от суеты / Воспомнить язвы тех страданий, / Встревожить прежние мечты...» [Блок 1997 : 16].

К 1901 году начинают происходить изменения в мировоззренческой установке поэта – душевная гармония сменяется чувством сомнения, утраты надежд и юношеских мечтаний: «И запомнилась бледная высь, / где последний сны пронеслись» [Блок 1997 : 85], «Ты смотришь тихая, строгая, / в глаза прошедшей мечте. / Избрал иную дорогу я, – / Иду, – и песни не те...» [Блок 1997 : 107], «Не сердись и прости. / Ты цветешь одиноко, / Да и мне не вернуть / Этих снов золотых, этой веры глубокой.../ Безнадежен мой путь.» [Блок 1997 : 62].

Так, мечты лирического героя, как раненые орлы, гибнут «в вихре бури»:

Ты – божий день. Мои мечты –

Орлы, кричащие в лазури.

Под гневом светлой красоты
Они всечасно в вихре бури.

Стрела пронзает их сердца,
Они летят в паденьи диком...
Но и в паденьи – нет конца
Хвалам, и клёкоте, и крикам!

1902

[Блок 1997 : 97].

А в стихотворении «Старик» герой Блока, утратив прежние мечты и веру в светлое будущее, стареет, теряя связь с небесным миром:

Под старость лет, забыв святое,
Сухим вниманьем я живу.
Когда-то – там – нас было двое,
Но то во сне – не наяву.

Смотрю на бледный цвет осенний,
О чем-то память шепчет мне...
Но разве можно верить тени,
Мелькнувшей в юношеском сне?

Всё это было, или мнилось?
В часы забвенья старых ран
Мне иногда подолгу снилась
Мечта, ушедшая в туман.

Но глупым сказкам я не верю,
Больной, под игом седины.
Пусть другой отыщет двери,
Какие мне не суждены.

29 сентября 1902

[Блок 1997 : 124].

В творчестве Блока возникает образ древнегреческого певца Орфея, например, в стихотворении «Дома растут, как желанья» (1902). Существует миф, в котором рассказывается, как Орфей спустился в подземное царство Аида за своей умершей женой Эвридикой и упросил Аида вернуть ему ее. Но, возвращаясь снова на землю, Орфей оглянулся, несмотря на запрет бога, и навсегда потерял Эвридику. Можно предположить, что в стихотворении «орфеева» оглядка соотносится с гибелью небесного идеала для героя. Кроме того, как

только лирический героя оглянулся назад, то оказался в мире, где царит «черный смрад», мире изменчивом и полном обмана.

По мере расширения жизненных горизонтов поэта меняется восприятие и его лирического героя, для которого сон начинает обретать отрицательную семантику: вместо «священного», «небесного», «лазурного», «нежного» сна появляется «черный сон», «тяжелый сон»: «Золотые и красные маки / Надо мной тяготеют во сне» [Блок 1997 : 130], «Надо мной небосвод уже низок, / Черный сон тяготеет в груди» [Блок 1997 : 130]; «мертвая дремота»: «Пройдет зима – увидишь ты / Мои равнины и болота / И скажешь: “Сколько красоты! / Какая мертвая дремота!”» [Блок 1997 : 75]; «обманный сон»: «Этих трав дыхания / Нам обманный сон. / Я в твои мечтания / Страстно погружен» [Блок 1997 : 32]; «сонмы могильных видений»: «Сонмы могильных видений, / Звуки живых голосов... / Тихо вечерние тени / Синих коснулись снегов» [Блок 1997 : 51].

Все больше образ сна обретает черты сна-обмана, который в то же время соприкасается с мотивами смеха, сомнения. К примеру, в стихотворении «Ночь на Новый год» (31 декабря 1901 г), которое является своеобразной вариацией баллады Жуковского «Светлана», сон соотносится с «праздником смеха», «таинственной игрой», обманом: «Душа морозная Светланы / В мечтах таинственной игры» [Блок 1997 : 88], «Дай взгляну на праздник смеха...» [Блок 1997 : 88]. А в стихотворении «Сны раздумий небывалых...» (3 февраля 1902 г.) лирический герой находится в сомнении: «Все виденья так мгновенны – / Буду ль верить им?» [Блок 1997 : 93], «Дни свиданий, дни раздумий / Стерегут в тиши / Ждать ли пламенных безумий / Молодой души?» [Блок 1997 : 93].

Таким образом, иллюзии и надежды Блока рушатся, не способные противостоять земной действительности. Светлый небесный сон трансформируется в «черный сон», сон-обман, сопровождаемый сомнениями и потерями. Однако нельзя сказать, что поэт совсем отказывается от своих юношеских идей. Ведь неслучайно в 1907 году Блок напишет А. Белому: «Если бы я не носил на глазах этого сонного покрывала, не был руководим Неведомо Страшным, от которого меня бережет только моя душа, – я не написал бы ни одного стихотворения из тех, которым Вы придавали значение» [Блок 2001 : 325].

ЛИТЕРАТУРА

Блок, А.А. Полное собрание сочинений в 20-ти томах [Текст] / А.А. Блок. – М.: Наука, 1997. – Т. 1.– 642 с, Т.4. – 639 с.

Блок, А.А. Собрание сочинений в 12-ти томах. Т.12: Книга первая: Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903-1919 [Текст] / А.А. Блок. – М.: Прогресс-Плеяда, 2001. – 608 с.

Крышук, Н. Разговор о Блоке [Текст] / Н. Крышук. – СПб.: ДЕТГИЗ, 2012. – 352 с.

Лотман, Ю.М. Сон – семиотическое окно [Текст] / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство – СПб, 2000. –С.123-126.

Панкратова, М.Н. Онирический мотив: структура и особенности функционирования. («Огненный Ангел» В.Я. Брюсова): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 [Текст] / М.Н. Панкратова. –Москва, 2015. – С. 36-80.

Рудакова, С.В. Мотив сна в лирике Е.А. Боратынского [Текст] / С.В. Рудакова // Rhema. Рема.– 2012. – № 3. – С. 55-62.

Ходанен, Л.А. Мотивы и образы сна в поэзии русского романтизма [Текст] / Л.А. Ходанен // Русская словесность. – 1997. – № 2. – С. 47-51.

Статья рекомендована д.ф.н., проф. С.В. Рудаковой.